

ТЕАТР ПРИГЛАСИЛ АВТОРА

Гости Саратова

После спектакля «Никто не поверит» на аплодисменты зрителей вышел на сцену автор пьесы — Георгий Исидорович Полонский. Это имя широко знакомо зрителям: он сценарист фильмов «Доживем до понедельника», «Перевод с английского», «Ключ без права передачи», автор восьми пьес.

Не трудно представить себе состояние нашей труппы перед приездом автора пьесы. Волнующим было прибытие в город и для самого Г. И. Полонского — это была первая его встреча с Саратовским тюзом, хотя пьеса «Побег в Гренаду» уже шла на нашей сцене. И еще потому, что, как он позже признается, в киновоплощении его произведений ему до сих пор везло больше, нежели в театре. Спектакли, много и с шумным успехом идущие по всей стране, не всегда представлялись автору адекватными художественному и жизненному смыслу его пьес.

Первый вопрос гостю:

— С чего началась Ваша литературная деятельность?

— Моя юность шла под знаком Поэзии. Я знал тысячи поэтических строчек, сам писал стихи и рассказы, samozабвенно любил литературу. Поступил на филолого-иностраный факультет пединститута имени Н. К. Крупской. И в это время познакомился с Романом Быковым, тогда режиссером студенческого театра МГУ. Мои «пробы пера» Быкова заинтересовали, он пригласил меня зайти в свой театр. Ну, а поскольку там от меня требовалось найти пьесу бесплатную и нигде не идущую, мне ничего не оставалось, как написать ее самому. Называлась она «Сердце у

меня одно». Была автобиографической, изобиловала большим количеством моих стихов. Пафос в ней значительно опережал мысль. Поставил ее С. Юткевич в 1962 году. А в 1965 году театр имени Моссовета выпустил спектакль по моей второй пьесе «Два вечера в мае».

— А потом Вас пленила «школьная» тема, и Вы написали целый цикл пьес о подрастающих.

— Это было естественно, поскольку после пединститута я преподавал в одной из московских школ. Потом поступил на Высшие сценарные курсы. Моей дипломной работой стал сценарий фильма «Доживем до понедельника».

Собственно, все мои «школьные» пьесы и сценарии размышляют о том, что есть один большой мир, в котором взрослые и дети живут слитно, связанные невероятным количеством прямых и не прямых связей, что норма общения с детьми — это общение душами. Я глубоко убежден, что школа — учреждение лирическое.

— Каковы ваши впечатления, Георгий Исидорович, от спектакля тюза?

— Самое дорогое для меня в спектакле то, что мы, я и театр, любим в этой истории одно и то же. Театр предан сути пьесы. Текст ее прочитан бережно и строго. Спектакль поставлен щедро и необычайно выразительно во всем, начиная со сценографии. Спектакль хорошо принимается. Видно, что и актерам он нравился. Большая часть сценического существования главного героя лисенка Людвиг проходит на таком градусе искренности и частоте душевной вибрации, что это не может не быть камертоном спектак-

ля. Удалась вся линия семейства, прелестны Ежик, Сова... Трудно перечислить все удаchi. Мне только думается, что необходимо более свободное обращение с внешностью героев пьесы. Она подчеркнута в сценографии и костюмах, а в таком контексте можно меньше педальировать изображение зверюшек.

Своими, во многом отличными от тех, что представлялись мне, средствами, режиссер и актеры приходят к тому же результату, о котором размышлял я. В нравственно-эмоциональном итоге мы совершенно едины.

— А как Вы набрали на материал для пьесы?

— Все очень просто. Книжку Яна Экхольма «Людвиг Четырнадцатый и совсем другие» мне подсунил сын. Я прочитал и ахнул: какое сокровище для сцены! Писал я пьесу легко, быстро — всего месяц. А обычно я работаю тяжело. Кроме того, ужасно привязываюсь к своим героям. Они подолгу не отпускают меня после того, как вещь закончена. Даже после встречи со зрителем. «Толпятся» в моей комнате, мешая настроиться на новую работу.

Все последующее общение Г. И. Полонского с труппой тюза — и обсуждение спектакля, и вечер-встреча с коллективом, и читка одной из его последних пьес — отмечено искренним желанием проникнуть в суть бытия театра, найти с ним близкий душевный контакт.

Творческое родство тюза со своим автором обнаружилось и тогда, когда Георгий Исидорович размышлял на тему, которую мы считаем своей кровной: долг человека (в нашем театре — растущего че-

ловека) перед самим собой.

— Свое моральное здоровье человек может сохранить или погубить сам, — считает писатель. — Надо к себе прислушиваться, верить себе, не ломать себя без самой крайней нужды. Я не могу придумать такую нужду или цель, ради которой допустимо скручивать свою душу или совесть в бараний рог. Делать это люди заставляют их внутренние враги: тщеславие, зависть, мещанские понятия о престиже, приверженность моде и т. д.

Последние работы Полонского — «Никто не поверит» и «Таланты и полковники» по жанру, по стилистике отличны от прежних его пьес и сценариев. Прежде подробный, примерный реалист, в этих пьесах он вышел на поиски притчевых и сказочных форм.

— Что-то со мной случилось в процессе написания «Никто не поверит», — рассказывает автор. — Вещь эта одета в сложную метафорическую одежду. Мне эта жанрово-стилистическая среда показалась необычайно питательной для театра. Хочу и дальше писать жанр сказки для взрослых, который, на мой взгляд, не вредит искусству психологического анализа, а обогащает его.

Ваши зрители относятся к театру восторженно. В этом есть некоторая опасность: благоприятствование усыпляет. Поэтому театру необходим неослабный самоконтроль. Мне очень понравилась труппа: у вас столько живых, искренних, заинтересованных лиц...

И. ГОРЕЛИК,

заведующая литературной частью тюза

КОММУНИСТ
Г. САРАТОВ
3 МАР 1981